«И СПОМЕН, И КОПНЕЖ ЕДНОВРЕМЕННО…»: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

ОБРАЗ ПТИЦЫ В БОЛГАРСКОЙ АВТОРСКОЙ СКАЗКЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Александра Владимировна Еремченко. Санкт-Петербургский государственный университет
Елена Юрьевна Иванова

1. Введение

Следующая остановка нашего маршрута — Сливен. Здесь в рамках нашего путешествия мы посетим парк «Сините камъни» (см. Приложение № 1), расположившийся на Сливенской горе и возвышающийся над городом. Семьдесят процентов животного мира парка составляют птицы, здесь пролегает их миграционный путь. Эта территория является охраняемым заповедником, созданным с целью сохранить места обитания хищных птиц. Двадцать девять видов птиц, обитающих в парке «Сините камъни», занесены в Красную книгу Болгарии, сто видов охраняются Законом о защите природы (*Закон за защита на природата*).

Образ птицы находит отражение как в болгарской народной мифологии, так и в авторской сказке. Мы проследим путь этого образа из фольклора в литературную сказку на примере сказок «Царица-птица» (Николай Райнов), «Торбаланци» и «Рибар и Жерав» (Елин Пелин).

2. Образ птицы в болгарском фольклоре

Образ птицы является одним из ключевых для мифологии болгар. Он тесно связан с культом солнца, присущим всем народным верованиям. Первоначально, во времена зарождения мистического сознания, солнце считалось оленем, конем, быком или светлой птицей (Георгиева 1993: 31). На следующем этапе развития народных верований, представленном болгарскими апокрифами, солнце ездит на колеснице, запряженной ангельскими конями и фантастическими птицами, в то время как само солнце уже антропоморфно (Георгиева 1993: 22). К наиболее древним также относится представление о космическом прародителе всего живого, имеющем образ водоплавающей птицы (Георгиева 1993: 39).

Птица связана также и с Древом жизни (другие названия: Древо познания, Райское древо, шаманское древо, космическое древо и т.д.) — универсальной для мистического сознания идеей. Согласно повериям, Древо жизни огромно, корни его уходят в землю, а ветвями оно достает до небес. Основная функция Древа жизни состоит в поддержании равновесия вселенной, оно также является символом взаимопонимания и приятельства, хрупкости всего земного, связи между земным и небесным мирами (Панайотова 2019: 187). На нем обычно расположены птицы — соловей, сокол или орел (Георгиева 1993: 40) (см. Приложение № 2).

Птица на Древе жизни выступает посредником между людьми и небом. Согласно поверьям, птицы отвечают за то, чтобы сбывались мечты и осуществлялись желания. Они помогают людям, т. к. слышат их молитвы и могут передать их на небеса. Таким образом, птицы отвечают за здоровье и благоденствие людей. Иногда птицы изображались с ангельскими птицами и с ореолом над головой (Панайотова 2019: 188).

Если птиц на Древе жизни несколько, то они непременно расположены развернувшимися друг к другу, символизируя взаимопонимание. В шуменской традиции почитается Древо жизни, на котором птица изображена в самом верху. Если на макушке Древа изображен орел, то он символизирует неограниченные силы и возможности.

На многих средневековых памятниках запечатлена борьба орла со змеем. Сила этой птицы еще сильнее подчеркивается ее двуглавостью. В принятии изображения двуглавого

орла в качестве символа государственности прослеживается влияние Византийской империи (Георгиева 1993: 53).

Образ птицы тесно связан также с образом змея. Змей — это мифологическое существо, выполняющее пассивную созерцательную роль и иногда принимающее образ птицы. Во внешнем облике змея присутствуют черты рыбы, пресмыкающегося, человека и птицы, в своем образе он объединяет три сферы вселенной — подземный мир, землю и небо. Это отвечает его основной функции — созерцать мир и быть его медиатором (Георгиева 1993: 109, 122).

Однако и в образе птицы есть некоторые отрицательные черты: болгары верили, что если через труп человека перелетит птица, то он станет вампиром. Вампиры также могут являться в виде птиц и пить кровь людей (Георгиева 1993: 196, 204) (см. Приложения № 3 и № 4).

3. Образ птицы в болгарских авторских сказках

Для анализа образа птицы на материале болгарских авторских сказок были взяты сказки именно Николая Райнова и Елина Пелина, т. к. их творчество наиболее ярко отражает особенности этого жанра: Николай Райнов — «первопроходец» в жанре авторской волшебной сказки на материале болгарского языка, творчество Елина Пелина в свою очередь впитало в себя множество народных черт.

Сказка «Царица-птица» (Райнов 2005) имеет характерный для народного творчества зачин: *имало едно времен три … сестри*. Каждое утро сестры спрашивали у солнца, кто из них самая красивая, и солнце неизменно отвечала: младшая. Старшие сестры из зависти задумали погубить ее. Возвращаясь из другого села, куда они ходили водить хороводы и петь, они бросили младшую сестру в лесу на съедение диким зверям, а сами скрылись. Там, в лесу, девушку обнаружил царский сын и решил взять красавицу в жены. Так бедная девушка стала царицей. Ее старшие сестры прознали об этом и пришли к ней во дворец. Они отвлекли царицу и вонзили ей в ухо иглу, из-за чего она превратилась в птицу. Одна из старших сестер переоделась в ее царские одежды и стала царицей.

Мотив превращения человека в птицу очень частотен для мифов и сказок. «В мифах и сказках часто фигурируют люди-оборотни, которые могут в случае надобности на какое-то время обернуться птицей (так, ведьмы, колдуны и злые духи принимают вид совы или вороны, а прекрасные девушки — вид голубки или лебедя)» (Иванова-Казас 2006: 3). Превращение в животное в качестве наказания, отмщения или из зависти также нередко встречается в сказках.

Отображение этой мифологемы видим и в сказке Н. Райнова «Царица-птица». Подобные сюжеты зачастую включают в себя раскрытие обмана, учиненного отрицательными персонажами (в данном случае сестрами). В сказке «Царица-птица» эта сюжетная функция сопряжена с наличием у превращенной в птицу царицы волшебных сил: каждую ночь она прилетала в сад замка и спрашивала у садовника, спят ли обитатели замка, после чего произносила заклинание «както съхна аз за своето малко детенце, тъй да изсъхне и туй дърво, на което съм кацнала!». Обман раскрывается, когда царь, обеспокоенный высыханием деревьев в своем саду, затаивается ночью среди деревьев, чтобы поймать птицу в момент произнесения заклинания. Сделав это, он обнаруживает в ее ухе иглу, вынимает ее, чары рассеиваются, и птичка превращается в царицу. Но героиня сказки Райнова так и не была отомщена: ее сестры успели скрыться.

В сказке «Торбаланци» (Елин Пелин 1959) (см. Приложение № 5) переплетаются несколько фольклорных мотивов. В центре повествования пожилая пара бедняков, бабка и дед постоянно ругаются. Дед отправляется к водоему, надеясь на помощь золотой рыбки, но неожиданно над ним пролетает стая журавлей (см. Приложение № 6), и он ловит одного из них, чтобы тот был им с бабкой сыном. Журавль же предлагает деду волшебную сумку, в которой живут двое юношей (*торбаланци*) По зову хозяина они появляются из сумки и устраивают богатый пир. Счастливый старик возвращается домой, по пути навещая свою

куму, которая вместе с дочерями крадет у него волшебную сумку. (см. Приложение № 7). На помощь снова приходит журавль и дает деду другую сумку, юноши из которой заставляют куму вернуть деду украденное. Справедливость торжествует, а жажда наживы и обман наказаны.

Журавль в данной сказке является дарителем волшебного предмета, а за счет ассоциации со сказкой А.С. Пушкина «Рыбак и золотая рыбка» появляется эффект сказки в сказке.

В сказке «Рибар и жерав» Елина Пелина (Елин Пелин 1959) мир животных предстает перед нами как иносказательное изображение мира человеческого. Цапля и журавль, будучи главными в своем болоте, решают, что владеть лишь болотом скучно и нужно искать другие места для царствования. Но куда бы они ни прилетали, оказывалось, что в этих местах уже есть свои «владыки», например, в лесу — дятел, и остальной мир не готов приветствовать их так же радушно, как родное болото. Мораль сказки высказана в конце — каждому свое место.

В данном произведении образы птиц, как и других животных, имеют иносказательную функцию. Они наделены человеческими чертами: завистью, жаждой власти. Такая роль животных в волшебной сказке характерна и для фольклора многих стран, как западных, так и восточных.

Итак, фольклорный образ птицы находит отражение в авторских сказках болгарских писателей XX в. (Николая Райнова и Елина Пелина) с некоторыми изменениями. Писатели совмещают в своих сказках разные мифологемы, не только опираясь на болгарский фольклор, но и проводя сказочные параллели с фольклором других народов.

Цитирана литература:

Георгиева 1993: Георгиева, И. Българска народна митология. София: Наука и Изкуство. 1993.

Елин Пелин 1959: Елин Пелин. Събрани съчинения в десет тома. Т.8: Произведения за деца и юноши. Приказки и разкази. София: Български писател, 1959.

Иванова-Казас 2006: Иванова-Казас, О.М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб.: Нестор-История, 2006.

Райнов 2005: Н. Райнов. Български приказки. София: Издателство „Захарий Стоянов“, 2005.

Панайотова 2019: Панайотова, Е. Образът на птицата на Дървото на живота — символика и вярвания. // Културно-историческо наследство: опазване, представяне, дигитализация. Т. 5. № 2 (7), 2019, 186-207.